

В ручье была напористая сила:
подставь ладонь - струя по пальцам била.
Я как-то раз мокнул в неё цветок -
поток, резвясь, всю руку поволок.
Траву, чтоб не мешалась под ногами,
укрыли под асфальтом и камнями.
Все яблони ушли, должно быть, в печь.
Туда ж пришлось другим деревьям лечь.
Ненадобный ручей, грозивший бунтом,
засыпали золой, песком и грунтом.
Теперь ручей под сводом, в глубине,
невидимый, неслышимый извне.
И нынче не понять, чего он ради
живёт и движется во тьме и смраде.
Не вырвется ли он, войдя в азарт?
Он виден на листах старинных карт.
В те карты смотрит нынче, кто боится,
что наш ручей вдруг выйдет из темницы.
И юный город страхом удручён -
не ладятся от дум ни труд, ни сон.

A Brook In The City

The farmhouse lingers, though averse to square
With the new city street it has to wear
A number in. But what about the brook
That held the house as in an elbow-crook?
I ask as one who knew the brook, its strength
And impulse, having dipped a finger length
And made it leap my knuckle, having tossed
A flower to try its currents where they crossed.